

На правах рукописи

БАСТЕ ЗАРА ЮСУФОВНА

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
КАК БИЛИНГВАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: Ахиджакова Марьет Пшимафовна
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Буянова Людмила Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор /
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» / кафедра общего и
славяно-русского языкознания / профессор

Николаев Сергей Георгиевич,
доктор филологических наук, профессор /
ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет» / кафедра английской филологии /
заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина» (г. Москва)

Защита состоится «03» марта 2022 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.09 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/3977/>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Степень разработанности проблемы. Художественно-эстетическая деятельность трактуется в современной гуманитарной парадигме как форма общечеловеческой культуры. Текст предстает в таком ракурсе как культурный феномен, позволяющий особым образом представить фрагменты действительности и духовный мир человека.

Билингв осваивает аспекты национальных языковых картин мира в процессе формирования у него языкового сознания, являющегося частью национального самосознания. Антропоцентризм современной науки о языке ориентирует исследователей на изучение языкового сознания как индивидуального явления, соотносимого также с национальной культурой народа-носителя языка и его лингвокультурой. Разные языки и культуры демонстрируют общие смысловые константы, обеспечивающие взаимопонимание представителей разных лингвокультурных сообществ.

Изучение текста способствует описанию того культурного фона, тех культурных кодов, которые стоят за языковыми единицами. Проблематике реализации культурного кода в тексте и языке, а также его роли в процессе семиозиса посвящены работы Г.А. Аванесовой (2008), Н.Ф. Алефиренко (2001), И.В. Приваловой (2005) и др.

Антропоцентризм современной лингвистики определяет исследовательский интерес к когнитивным механизмам билингвизма, а также к изучению обладающей обширным лингвокреативным потенциалом билингвальности. Изучению билингвизма посвящены работы М.П. Ахиджаковой (2017а, 2017б, 2020б), Х.З. Багирова (2005, 2014, 2020, 2021), Р.А. Вафеева (2000), Г.М. Вишневской (1997), С.А. Гринберг (2011), Ю.Д. Дешериева (1973), К.З. Закирьянова (2012), Д.А. Иванишина (2014), Е.Н. Кремер (2010), Ф.Д. Хачак (2019) и др. Художественный (творческий) билингвизм также плодотворно изучается и в последние десятилетия, свидетельством чему выступают работы З.З. Зекох (2011), И.Ю. Мишинцевой (2011), С.Г. Николаева (2006), Е.С. Смахтина (2012) и др.

Актуальность исследования обусловлена усиливающимся интересом к проявлению человека в языке и тексте, к процессу и когнитивным механизмам би(поли)лингвизма в целом, а также к художественным текстам, созданным писателями-билингвами. Особым объектом исследования в современной лингвистике становится также выяснение специфики языкового сознания и его проявления посредством культурных кодов, репрезентируемых на разных уровнях художественного текста. Не теряет своей актуальности и изучение лексико-семантических маркеров билингвальности автора, а также реализации экспрессивности и эмотивности в художественном тексте писателя-билингва, что формирует широкие перспективы в развитии когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории художественного текста.

Объект исследования – художественный текст, созданный писателем-билингвом К. Натхо, в совокупности его специфических лингвокогнитивных и лингвокультурных признаков.

Предмет исследования – когнитивно-семантическая организация художественного текста писателя-билингва К. Натхо в координатах лингвокультурологического подхода.

Материалом исследования выступил художественный текст К.И. Натхо «Легенда о великом похищении» в оригинале на английском языке [Natkho, 2016] и его переводе на русский язык [Натхо, 2019] (пер. с английского – З. Басте). Выбор материала исследования неслучаен: данное текстовое пространство позволяет выявить и описать специфику художественного текста, созданного писателем-билингвом в лингвокультурологическом аспекте с учетом двойного кодирования, которое возникает в семантическом пространстве текста при его переводе. Общее количество контекстов различного объема, репрезентирующих маркеры билингвальности разноуровневой принадлежности, – 752.

Гипотеза исследования – художественный текст, созданный писателем-билингвом, сохраняет маркеры билингвальности разноуровневой принадлежности с целью актуализации лингвокультурно значимых реалий, аспектов эмотивности и экспрессивности, культурных кодов, в том числе, и при переводе на другой язык, что свидетельствует о фиксированности лингвоспецифического компонента значения в рамках прагматических значений.

Цель – определить лингвокультурологические особенности когнитивно-семантической организации билингвального художественного текста.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**:

- охарактеризовать лингвокогнитивный и лингвокультурный статус художественного текста писателя-билингва;
- выявить и описать лексико-семантические маркеры билингвальности автора художественного текста;
- определить основные языковые и речевые средства реализации экспрессивности и эмотивности в художественном тексте, созданном писателем-билингвом;
- описать специфику вербализации культурных кодов в художественном тексте в координатах его билингвальности.

Методы исследования: метод сплошной выборки, методы наблюдения и моделирования, метод трансформации, описательно-аналитический и когнитивно-семантический методы анализа, контекстуальный анализ, лингвистическая интерпретация. Данные методы применяются к языковому материалу комплексно по причине особенностей организации семантического пространства художественного текста и репрезентации в нем компонентов лингвокультуры и национальной языковой картин мира, языкового сознания нации, а также индивидуально-авторской картины мира.

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Философскую основу методологии диссертационной работы составляют законы материалистической диалектики, а также постулаты лингвистических концепций, в соответствии с которыми язык трактуется как материальная система, функционирующая и постоянно эволюционирующая.

Основу *общенаучной методологии* составляют постулаты концепций общей и частной семантики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, теории текста (Н.Ф. Алефиренко (1999; 2002; 2012), Ю.Д. Апресян (1974; 1995), Н.Д. Арутюнова (1999), Р. Барт (1994), Г.И. Богин (1999), Н.С. Валгина (2004), А. Вежбицкая (1999), Н.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (1983), Л.С. Выготский (1982б), В.Г. Гак (1977; 2000; 2001), В.З. Демьянков (1994), С.В. Иванова (2003), В.И. Карасик (1996; 2001; 2002; 2006), В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин (2001), В.В. Колесов (1992), В.В. Красных (2001; 2008), В.Н. Топоров (1995), Б.А. Успенский (2000), R.W. Casson (1983), A. Wierzbicka (1980, 1985) и др.).

Частнонаучная методология диссертационного исследования обусловлена его объектом, предметом, целью и задачами: теория языковой личности (Л.Ю. Буянова (1999), Ю.Н. Караулов (1987), Ю.С. Степанов (1997)), концепции билингвизма (М.П. Алексеев (1981), М.П. Ахиджакова (2017а, 2017б, 2020б), Х.З. Багираков (2005, 2014, 2020, 2021), У. Вайнрайх (1979), Е.М. Верещагин (1969) и др.), текста и художественного текста (М.М. Бахтин (1979; 2000), Г.И. Богин (1986), Ю. Борев (1988), В.В. Виноградов (1980; 1981), А.А. Дуров (2001), Н.И. Жинкин (1998), Д.С. Лихачев (1979), Ю.М. Лотман (1987, 1992, 1999)), интенциональности, эксплицитности и имплицитности в парадигме языкового сознания (М.П. Ахиджакова (2014, 2016, 2020а), Ю.Б. Денисов (2008), Н.И. Жинкин (1964), А.А. Залевская (1992) и др.), а также проблематике контекстуальной семантики, эмотивности и экспрессивности (Г.В. Колшанский (1980), Н.Д. Арутюнова (1988), Л.Г. Бабенко (2005), С.С. Ваулина (2009) и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвокогнитивный статус художественного текста писателя-билингва определяется его принадлежностью двум культурам и, как следствие, отражением в семантическом пространстве художественного текста как минимум двух языковых систем; лингвокультурная специфика данного феномена обуславливается включением в текст лексем и лексических сочетаний, фразеологизмов, афоризмов и синтаксических моделей, свойственных адыгской языковой картине мира, а также фольклорной символики и образности, формирующих необходимый культурный код;

2. Лексико-семантические маркеры билингвальности автора художественного текста включают безэквивалентные лексические единицы, а также фразеологизмы, которые получают пояснения посредством метатекстовых включений. Значимое место среди лексических единиц занимают топонимы, имена собственные, реалии быта, наименования

обычаев и традиций. Фразеологизмы часто закрепляют в национальной языковой картине мира ценностно-прескриптивную информацию.

3. В художественном тексте, созданном писателем-билингвом, особая роль отводится экспрессивности и эмотивности, тесно связанным друг с другом, репрезентируемым посредством различных изобразительно-выразительных средств. Для категории эмотивности определяющей в плане реализации остается эмоциональная лексика, она получает выражение в насыщенной образности, зачастую включающей лингвокультурный компонент.

4. Художественный текст, созданный писателем-билингвом, хранит в себе следы как минимум двух лингвокультур и обнаруживает маркеры культурных кодов, принадлежащих лингвокогнитивному пространству разных народов. Культурные коды, создающие фундамент семантического пространства такого текста, акцентируют внимание реципиента на реалиях лингвокультуры, а также на проявлениях психического мира представителей лингвокультурного коллектива и системе их ценностей, нормах конкретной национальной культуры, традициях и обычаях народа. В свою очередь, духовный культурный код оказывает особое влияние и на телесные проявления человека.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые выявлен комплекс лексико-семантических маркеров билингвальности, актуализирующих языковую личность писателя К. Натхо (значимое место среди лексических единиц занимают топонимы, имена собственные, реалии быта, наименования обычаев и традиций); описаны реализации экспрессивности и эмотивности в художественном тексте писателя-билингва К.И. Натхо, организующие семантику и лингвостилистику в художественных текстах; определены лингвокультурные коды в произведениях К. Натхо и дана характеристика лингвокультурной идентичности самого автора. Адыгская национальная картина мира изучена в семантическом пространстве художественного текста в своей репрезентативной целостности, что позволяет выявить и описать основные когнитивные механизмы, способствующие транслированию культурных кодов, в том числе, посредством другого языка.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что работа вносит определенный вклад в развитие теории языка, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, расширяет понимание художественного билингвизма, уточняя знания о художественном тексте, созданном писателем-билингвом, как репрезентанте национальной языковой картины мира, а также индивидуально-авторского миропонимания, углубляет представление о возможности выявления культурных кодов в когнитивно-семантической структуре таких художественных текстов.

Практическая значимость определяется возможностью применения материалов и результатов исследования в разработке теоретических и практических курсов по теории языка, теории перевода, по проблематике когнитивной лингвистики и лингвистики текста, лингвокультурологии.

Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в курсах «Теория языка», «Филологический анализ текста», «Лингвистический анализ текста», в спецкурсах, посвященных проблемам билингвизма и творческого билингвизма, семантического пространства художественного текста. Методология исследования может применяться в изучении индивидуально-авторских картин мира и национальной картины мира, компоненты которых репрезентированы в художественных текстах.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, на Международной научно-практической конференции (Ганновер 2018), Всероссийских научно-практических конференциях (Краснодар 2019, 2020), XII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности в условиях цифровизации» (Ростов-н/Д 2021).

По результатам исследования опубликовано 11 статей, в том числе 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется степень разработанности темы исследования, охарактеризован ее выбор, обоснована актуальность исследования, определены его объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, его методологические основы, изложены основные положения, выносимые на защиту, описана научная новизна исследования, представлены теоретическая значимость и практическая ценность работы, ее апробация.

Глава первая «**Теоретические основы изучения художественного текста как феномена билингвизма**» посвящена рассмотрению основных направлений изучения текста, в том числе, текста художественного, в лингвистической научной парадигме, особенностей языкового сознания билингва, а также художественного текста писателя-билингва как лингвокогнитивного и лингвокультурного феномена.

Современная лингвистика изучает художественный текст в различных ракурсах, среди которых определяющее место занимают выяснение аспектов репрезентации языковыми средствами фрагментов действительности сквозь призму индивидуально-авторского представления о мире. Отдельную сферу образуют исследования, посвященные изучению объективной и субъективной модальностей (в авторской и персонажной зонах повествования), а также описанию прагматики художественного высказывания. Рецептивно-интерпретативная деятельность в отношении художественного текста исследуется с позиций выявления его эксплицитных и имплицитных смыслов, а структура художественного текста

рассматривается в рамках определения приоритетных способов передачи информации. Художественный текст также изучается как феномен культуры и репрезентация особого культурного кода, фиксируемого в национальном языке. Изучение текста способствует описанию того культурного фона, тех культурных кодов, которые стоят за языковыми единицами.

Границы художественности и сам статус текста в координатах разных лингвокультур могут кардинально различаться: в рамках одной такой текст может считаться художественным и классическим, тогда как в другой он не будет осознаваться как эстетический эталон. В этой связи особое значение приобретает изучение билингвизма, в том числе творческого (художественного). К тому же принадлежность билингва к двум лингвокультурам на основании знания двух языков позволяет ему обрести большую коммуникативную свободу и иметь наиболее полные представления о коммуникативно-прагматическом потенциале и когнитивном пространстве как родной, так и иной культуры.

Языковые картины мира разных народов отражают культурные различия, обнаруживая их в употреблении разноуровневых языковых средств. Культурное пространство всегда включает определенное количество артефактов, которые могут быть непонятны представителям других культур. Вследствие этого межкультурная коммуникация должна строиться на основе изучения специфики конкретной культуры и лингвокультуры.

Значения лексических единиц могут включать компоненты, ценностно значимые на различных исторических этапах развития конкретного этноса. Анализ лингвоспецифичных языковых средств должен проводиться только на основании образов языкового сознания, и в этом отношении текст, особенно если он создан билингвом, предоставляет неоценимый материал для изучения.

Реальность осваивается языком концептуальным способом, и такая концептуализация определяет вербализацию идеи, словесное оформление предмета, но в то же время такая концептуализация применительно к данному предмету, явлению, понятию может отсутствовать в иной лингвокультуре либо способна отражать этот процесс посредством множества лексем и лексических сочетаний, образующих целостную концептосферу. Представляется, что в языковом сознании имеются некие матрицы, и такая структура предопределена специфической интерпретацией фактов и событий мира в конкретной лингвокультуре.

Автор-билингв, создавая художественный текст на втором, неродном языке, способен обнаружить дополнительные ресурсы принимающей культуры, ее лингвокогнитивный и коммуникативно-прагматический потенциал. Художественный билингвизм осуществляется в таком случае через тексты, созданные на неродном языке, посредством включения в них не только лексем и лексических сочетаний, фразеологизмов, афоризмов и синтаксических моделей, свойственных адыгской языковой картине мира, но и благодаря обращению к фольклорной символике и образности,

формирующим необходимый культурный код и значимую эстетическую имплицитность – подтекст, «подводное течение».

В главе второй «**Когнитивно-семантическая организация художественного текста как билингвального феномена: лингвокультурологический аспект**» представлены результаты изучения лексико-семантических маркеров билингвальности автора художественного текста, лингвистических средств экспрессивности и эмотивности в художественном тексте писателя-билингва, а также репрезентации в таком тексте культурного кода как фундамента семантического пространства художественного текста в парадигме билингвальности.

Лексико-семантические маркеры авторской билингвальности в художественном тексте обнаруживают определенную зависимость от типа повествования и организации художественного времени. Кроме того, на характер их функционирования оказывает влияние и ценностная картина мира персонажей и субъекта повествования. В соответствии с этим функции иноязычных включений дифференцируются на собственно языковые и стилистические: первые направлены на установление национального компонента в лексике, фразеологии, построении сложного синтаксического целого; вторые позволяют обнаружить и реализовать авторский лингвокреативный потенциал в осуществлении интенциональности.

В художественном тексте писателя-билингва наиболее интересны те языковые единицы, которые традиционно именуется безэквивалентными. Такие единицы отражают лакуарность в системах других языков, указывая на отсутствие в них значений, лексем и лексических сочетаний, актуализирующих лингвокультурный компонент. В анализируемом тексте К.И. Натхо «Легенда о великом похищении» во всем его пространстве при введении иноязычной по отношению к основному языку повествования лексики активно используются метатекстовые включения. Они реализуются преимущественно двумя способами – путем подстрочных сносок и пояснением реалии, выраженной безэквивалентными лексической единицей или лексическим сочетанием, непосредственно в тексте. В данном случае автор актуализирует, прежде всего, языковые функции иноязычных включений, хотя они опосредованно служат и для создания эмоционального фона, а также национальной образности. Например, у К.И. Натхо находим следующий контекст с *подстрочными сносками*, позволяющими автору описать социокультурный и исторический контекст происходящего: «Я не один раз слышал это предание и не только от него. Вариации мало чем отличались друг от друга, хотя имена героев, совершивших похищение, изредка менялись, кроме одного – Хырцыжыко Але (Харцизов Али)¹ В разных вариантах среди участников похищения появлялись *исторические личности*: Иналико Шэугеныж, Убых (Берзек) Алецук и лидеры

---

¹ Харцизов Али (Хырцыжыкэ Але -Хьырцыжыкьэ Алэ) - из абадзехского дворянского рода Джанчатовых, один из прославленных военных лидеров западных адыгов периода Кавказской войны // А(Ч)Э, с.1078

кабардинских *хаджиретов*² Альджериеко (Азджериеко) Кушыкупщ³ и могущественный Хатокшоко (Атажукин) Мухаммад – Аша⁴» [Натхо, 2019: 5]. Интересно, что в оригинальном тексте на английском языке эта мысль развертывается иначе: она раскрыта автором как свершившийся, реальный исторический факт: «The idea of this Grand Abduction was conceived by Ubikh Aletsook who has carried it out with the help of two renowned Circassian veteran heroes, Khirtsizhiqo Ale and, his good old friend, Inaliqo Shogenizh» [Natkho, 2016: 2-3]. Лексико-семантическим маркером исторической достоверности следует считать в приведенном контексте не только имена реальных людей, но и общую номинацию – *исторические личности*. Также в данном фрагменте особое внимание обращает на себя то, что К.И. Натхо воссоздает и общую отличительную характеристику устного народного поэтического творчества в целом – его исполнение народными певцами и сказителями (*не один раз слышал это предание и не только от него*), а также парадоксальное малое количество вариантов, не свойственное фольклорным произведениям, которые, напротив, отличаются вариативностью: *Вариации мало чем отличались друг от друга*. Безусловно, легенда, пересказываемая К.И. Натхо, говорит со слушателем и читателем о важнейших событиях адыгской истории, именно поэтому смысловое ядро сюжета и состав персонажной сферы остается практически неизменным.

Для истолкования безэквивалентной лексики автор использует само текстовое пространство, разъясняя читателю те аспекты, которые могут быть вовсе неизвестны ему ввиду их отсутствия в его родной лингвокультуре. Таковы *текстовые пояснения*, реализуемые с разными целями в различных контекстах. Например: «Они рассказывали разные истории из жизни адыгов, пели *пишинатли* – героические эпические песни» [Натхо, 2019: 4]. При том, что любой этнос, прошедший длительный исторический путь и оформившийся как единый народ со своим экономическим и политическим укладом, имеет в своем фольклоре героические сказания, а зачастую и героический эпос как вершину циклизации таких сказаний, очевидно, что в данном контексте введение лексемы *пишинатли* необходимо для создания национального колорита и передачи лингвокультурной реалии в тексте. В данном случае автор использует текстовое пояснение, которое органично вводит читателя в адыгское культурное пространство, позволяя воспринимать художественный текст «Легенды...» как продолжение таких героических

---

² Кабардинские хаджиреты или «беглые» кабардинцы - къэбэртэ хьаджырэтхэр. Так называли кабардинцев, не признавших русскую власть и после покорения Кабарды переселившихся к закубанским адыгам для продолжения борьбы против колониальной политики Царской России .

³ Кушук (Кучук) Ажгериев (Ажджэрий) - Альджэрыекъо Кушыкупщ - кабардинский князь из рода Кайтукиных (Къайтыкъохэ), знаменитый наездник, предводитель хаджиретов (беглых кабардинцев) - той части кабардинцев, которая после установления в Кабарде колониальной администрации (1822 г.) переселилась в Закубанье и продолжила активное вооружённое сопротивление. Он герой многочисленных, историко-героических песен и преданий той эпохи (подробнее в Адыгской (Черкесской) энциклопедии, фонд Б.Х. Акбашева, Москва, 2008 г. (А(Ч)Э), с. 871.

⁴ Атажукин (Хатокшоко) Мухамед (Мухаммад-Аша) - Совершил смелые нападения на Кавказскую кордонную линию, сделал много по переселению кабардинцев в Закубанье. По мнению российских властей он был самым дерзким и удачливым абреком// А(Ч)Э, с. 886-887.

сказаний, их неотъемлемую часть.

Значимое место среди иноязычных включений занимают топонимы, реалии быта, наименования обычаев, традиций, например: «Не обижайся, Кизбеч, что я говорю давно известные тебе истины, но лишний раз повторяю их потому, что ты, как я знаю, игнорируешь *хасэ*, народные собрания» [Натхо, 2019: 30]. Упоминание в тексте народных собраний наглядно свидетельствует о традиции народной демократии, уходящей своими корнями в глубокую древность, а также о том, что все представители адыгского сообщества свято чтут традиции.

Фразеологические единицы, фиксируя многовековой социокультурный опыт народа, позволяют воссоздать многоуровневое пространство лингвокультуры, обогащая художественный текст, созданный писателем-билингвом необходимыми для воссоздания культурного кода лингвистическими средствами. Перевод фразеологизмов предполагает не транслитерирование таких единиц с языка на язык, а перевод «с культуры на культуру», с ментальности на ментальность. Сопоставление фразеологизмов, принадлежащих разным языкам, позволяют говорить о чертах различия или сходства в представляемых ими культурных кодах, а также в значимых культурных смыслах. Кроме того, они могут обнаруживать различные или схожие значения, модели, образы, отражая информацию, призванную описать и закрепить систему ценностей в рамках национальной картины мира. Например, вводная конструкция *народная мудрость гласит*, усиливающая воздействие на читателя, сопровождает фразеологическую единицу, получающую перевод на русский язык в тексте: «Народная мудрость гласит: «Ятэ ишэн кIалэм непэ зэ кьыхэфэ – характер отца, хотя бы один раз в день, проявляется в сыне» [Натхо, 2019: 20]. На наш взгляд, само сохранение в контексте написания пословицы на адыгейском языке позволяет увеличить когнитивно-прагматический потенциал текста, а также выполняет функцию хотя бы приблизительного знакомства русскоязычного читателя с примерным звучанием речи адыга, с ее интонационной структурой, мелодикой и ритмикой, т.к. эта пословица, как и многие другие, намеренно построена в соответствии с требованиями стихотворной речи.

Стилистические функции иноязычных включений в анализируемом тексте рассмотрены нами на основании выявления средств экспрессивности и эмотивности. Экспрессивность неотделима от эмотивности художественного текста в координатах его когнитивно-семантической организации. Разумеется, обе исследуемые категории репрезентированы в художественном тексте изобразительно-выразительными средствами.

Категория эмотивности реализуется посредством так называемой эмоциональной лексики, а также способна воссоздавать насыщенную образность, зачастую имеющую в своем значении лингвокультурный компонент. Для эмотивности определяющей особенностью является метафоризация, символизация и другие когнитивные механизмы, свойственные осмыслению эмоциональной сферы человека языковыми средствами.

Анализ текста позволил сделать вывод о специфической структуре внешней речи персонажей: так, монологи героев, обращенные к слушателям, всегда строятся в соответствии с принципами риторики и обладают значительным коммуникативно-прагматическим потенциалом. Важным аспектом проявления экспрессивности следует также считать и употребление средств возвышенного книжного стиля в речи персонажей. Разумеется, наибольшей частотностью такие средства отличаются тогда, когда сам повод произнесения речи торжественен, а монолог должен соответствовать такому моменту. Такие высказывания в тексте «Легенды...» обуславливаются требованиями адыгского этикета, при этом неправомерно считать, что строгие этикетные нормы ограничивают представителя адыгского этноса настолько, что он не вправе проявлять истинные эмоции. Напротив, этикетная норма позволяет облечь интенции языковой личности, владеющей коммуникативными компетенциями, в наиболее эффективную для успешной коммуникации форму.

Монологи героев, обращенные к слушателям, всегда строятся в соответствии с принципами риторики и обладают значительным коммуникативно-прагматическим потенциалом. Например: «У меня двойное ощущение от происходящего – радуюсь тому, что Алецук вырос, возмужал, обрел в нашей стороне друзей и возвращается туда, где он родился, к тем, кто ему дал жизнь, кто с нетерпением ждет его. Я рад за родителей, которые, после долгой разлуки, через считанные часы примут его в свои объятия» [Натхо, 2019: 12]. Так обращается к *джамаату* (всем участникам радостного события – возвращения воспитанника родителям) Кизбеч, и необходимо обратить внимание на то, что здесь, согласно лингвориторическим канонам, герой в своей речи использует значимое противопоставление, антитетическую структуру, построенную на контекстуально обусловленных антонимических сочетаниях *нашей стороне – туда, где родился*. Эта антитетичность получает «приращение смысла» за счет того, что не высказано вслух, остается в подтексте: двойное ощущение Кизбеча – это и *радость* за родителей, к которым возвращается возмужавший Алецук, но это и *печаль*, о которой он никогда не скажет, потому что не позволяет адыгский этикет омрачать торжество упоминанием этого чувства.

Также для усиления экспрессивности и эмоциональности важны **эксплицированные эмоциональные проявления**, фиксируемые автором в художественном тексте. Например: «Емыноко громко расхохотался, и сказал, что это ему нравится, что будет у них время поговорить обо всем по пути, а теперь, не теряя времени, надо отведать пищу, вынесенную им навстречу местными жителями, и ехать дальше. Он взглядом и кивком головы передал Кизбечу слово» [Натхо, 2019: 14-15]. Здесь к средствам, увеличивающим экспрессивный и эмотивный потенциал текста, стоит отнести поведенческие экспликанты, в том числе номинации жестов и речи (*громко расхохотался, нравится, поговорить, кивком головы, передал слово*).

Внешние эмоциональные проявления (описания жестов, поз, мимики, движений героев) важны в тексте тогда, когда автор не имеет возможности

или не считает необходимым отражать состояние внутреннего мира героя. Важное место в создании эмотивности художественного текста отводится упоминаниям о родственных связях и общественной иерархии в адыгской среде. Особой ролью характеризуются в художественном тексте, созданном писателем-билингвом, прямые обращения автора к читателю, т.к. именно здесь способен сформироваться образ адресата и обнаруживается тот коммуникативно-прагматический потенциал, который задан в семантическом пространстве художественного текста.

Соответствие правилам этикета определяет действия героев и, соответственно, создает определенные рамки для их жестов, движений, тона и тембра голоса. Поэтому автор постоянно обращается в своем тексте к такого рода проявлениям эмотивной сферы, что, бесспорно, позволяет считать «Легенду...» К.И. Натхо одним из репрезентативных текстов в плане соответствия манифестирования эмоциональности личности в соответствии с нормами адыгской культуры и менталитета. Так, в следующем фрагменте автор описывает жесты, позы, тембр голоса героя, вполне отвечающие адыгскому этикету: «Кизбеч выдвинулся из толпы на уровень Емыноко, своим басистым громким голосом, приветствовал встречающих от имени их соплеменников, проживающих на северной стороне хребта, поблагодарил всех за *щыгу-настэ*, за проявленное уважение. Потом распорядился дать животным передохнуть, самим отведать священную пищу и быть готовыми двигаться дальше» [Натхо, 2019: 15]. Репрезентантами эмоциональной сферы личности считаем здесь следующие лексемы и лексические сочетания: *выдвинулся из толпы, выдвинулся на уровень, басистым громким голосом, приветствовал встречающих, приветствовал от имени соплеменников, поблагодарил за щыгу-настэ, за уважение*. Попутно отметим, что универсальность категории гостеприимства отражена в данном фрагменте в употреблении лексемы *щыгу-настэ* – устойчивого выражения, аналогичного русскому «хлеб-соль».

Важное место в плане реализации экспрессивности и эмотивности художественного текста, созданного писателем-билингвом, занимают и средства характеристики героев, в том числе те, что манифестируют особенности их *внутреннего мира*. Здесь, как и во многих других случаях, необходимо говорить о первоочередной лингвокультурной обусловленности характеров и мотиваций поступков персонажей. Эмоциональность героя подчеркивается в следующем текстовом фрагменте: «Алецука охватила *неудержимая жажда мести генералу за его зверства*. И начал собирать сведения об образе жизни генерала, его семье, чем интересуется и занимается, думать о том, как его побольнее наказать» [Натхо, 2019: 31] / «he began learning more about the life of this cruel Russian general, thinking how best he can take his revenge on him» [Natkho, 2016: 3]. Сама по себе *идея, как его побольнее наказать*, говорит именно о страстности героя, о его способности к сильным эмоциям, а вовсе не о холодной мстительности.

К. Натхо не всегда прибегает к прямому внутреннему монологу для характеристики своих героев. Часто это несобственно-прямая или косвенная

речь, о чем свидетельствуют маркеры этих лингвистических явлений, например: «До своего похищения Катерина читала много книг, видела разных людей, но никогда не читала об истории, обычаях и нравах черкесов, которые относятся друг к другу, гостям и совсем неизвестным им людям с особым уважением и вниманием. Это стало для нее еще более очевидным на большом празднике, который устроил князь Якуб Ахиджак в честь своих гостей. Прислушавшись, Катерина уловила, что участники праздника говорили на разных наречиях, однако все они понимали друг друга без особого труда и относились друг к другу с уважением. Она поняла, что залогом их взаимопонимания является то, что откуда бы они ни были, в основе воспитания лежат одни и те же правовые нормы и человеческие отношения, заложенные в *Адыгэ хабзэ, адыгэ нэмыс и адыгагэ*. Вот что их объединяет не меньше, чем общий язык» [Натхо, 2019: 87] / «Before Adyghes had abducted Katerina, the beloved daughter of General Zass, had read widely and seen many people, but she had never heard of any people so unique in social life like Adyghes who treat each other with special respectful and considerate mutual relationship. This became to her so evident at the great feast, which Prince Hagemiqo Aitech gave in honor of his guests. So many people came there on horseback, in carriages and on foot, men and women, old and young, all festively dressed in their best clothes, and from different tribes: Abdzakhs, Bjedughs, Beslineys, Chemguys, Xatkhuages, Shapsughs, Ubikhs, and others, most of whom spoke different dialects. Regardless of it, however, they treated each other with great respect and civility» [Natkho, 2016: 69]. Маркерами не прямой передачи внутреннего монолога здесь служат следующие лексемы: *уловила, поняла*, что свидетельствует о постепенном понимании сущности адыгской культуры дочерью генерала Засса.

Компоненты культуры и национальной картины мира способны регламентировать как изображение внутреннего мира персонажей, так и авторскую оценку сюжетных событий и характеров героев. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что эмотивность и экспрессивность художественного текста, созданного писателем-билингвом, обусловлены в своем функционировании как выбором экспрессивных средств, так и индивидуально-авторской картиной мира, маркированной лингвокультурно, а семантическое пространство такого текста обнаруживает диалектическую взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических факторов. Эмотивность и экспрессивность художественного текста реализованы посредством наименования чувств и переживаний героев как в их внутренней, так и во внешней речи, а также имплицированной авторской оценкой. В процессе анализа языкового материала нами были выявлены случаи описаний действий героев, не сопровождаемых указанием на мотивацию, что может быть отнесено за счет большего внимания автора к сюжетному действию и его попыткам адекватно вербализовать сами поступки героев.

Художественный текст, созданный писателем-билингвом, хранит в себе следы как минимум двух лингвокультур и обнаруживает маркеры

культурных кодов, принадлежащих лингвокогнитивному пространству разных народов. Созданный писателем-билингвом художественный текст воссоздает национальную картину мира, подтверждением чему служит явное количественное преобладание таких выявленных в ходе анализа контекстов, в которых реализованы предметный и духовный коды культуры, представляющих собой ее этноспецифический фундамент.

Например, описание внешнего вида героя сообразно предметному культурному коду находим в следующем фрагменте: «Алецука одели в новенькую белую черкеску, серую папаху, суженную кверху, вооружили лучшими образцами холодного и огнестрельного оружия» [Натхо, 2019: 11] / «...he took him back to his parents with full Circassian traditional ceremony, dressed in white Adyghe *tsey*,⁵ golden Astrakhan hat, red Morocco boots, armed with dagger, sword, two pistols and a rifle in the manner of light Circassian Cavalry» [Natkho, 2016: 2] Обращает на себя внимание сочетание цветов – торжественных белого и серого, а также определение *новенькая*, что подчеркивает отношение к Алецуку как к сыну со стороны его аталыка (воспитателя, которому по адыгскому обычаю знатные люди отдавали своих детей на воспитание) и его жены. В тексте оригинала представлены несколько иные атрибутивные признаки внешнего вида Алецука: автор объясняет в подстрочном примечании номинацию одежды *tsey*, уточняет, из какого именно каракуля была сшита папаха героя (*golden Astrakhan*), обращает особое внимание на его обувь (*red Morocco boots*), что в целом свидетельствует о понимании специфики его адресата – англоязычного читателя.

Также примечателен следующий фрагмент, отсылающий читателя к традиционной адыгской культуре благодаря описанию костюма героя: «Все серебро, украшавшее его одежду, оружие и сбруи, было покрыто чернью, чтобы оно не сверкало, чрезмерно не блестело ни под солнцем, ни под луной. Он с волнением смотрел вокруг, вглядываясь в родные лица, будто в последний раз их видит» [Натхо, 2019: 11]. Важно отметить, что предметный код в данном контексте взаимодействует с духовным культурным кодом на основании эмотивности художественного текста: герой с *волнением* вглядывается в родные лица тех, кто воспитывал его с младенчества, и автор вводит сравнение *будто в последний раз их видит*.

Предметный код тесно взаимодействует с кодом духовным, что значимо в следующем контексте: «Прошло еще два года. Алецуку исполнилось восемнадцать лет. Кизбеч, удовлетворенный результатом своей многолетней воспитательной работы с подопечным, который вырос в физически крепкого молодого человека, с совершенными манерами поведения в обществе и быту, превосходными навыками владения оружием и верховой езды, решил вернуть его родителям» [Натхо, 2019: 8] / «When Tighuzhiqo Qizbek was satisfied that he has developed his Qan into powerful athlete, perfect in manners,

---

⁵ Tsey-male Adyghe (Circassian) uniform, Cherkesska in Russian and Ukrainian.

bearing and conduct, and an accomplished master in handling his weapons and horse, he took him back to his parents» [Natkho, 2016: 2]. Так материальное, конкретные навыки, помогающие взрослению пура (воспитанника аталыка), накладывают отпечаток на его духовный мир, на развитие души, самосознание, что, разумеется, является центральным в процессе традиционного адыгского воспитания.

Автор в различных фрагментах текста многообразно реализует духовный культурный код, указывая, например, что имя пура выбрано неслучайно: он назван в честь Хырцыжыко Але (маркеры выделены курсивом): «это говорит и о том, что тебе надо обрести настоящих друзей в Убыхии. Понятное дело, ты воспитывался здесь, переехал туда недавно. – И после небольшой паузы, продолжил.— Если ты решил осуществить это нелегкое, но достойное дело, я подскажу, как. Поезжай в Абдзехию и найди моего друга Хырцыжыко Але. Не случайно тебе дали имя Алецук. *Адыги просто так не дают имена. Тебя назвали Алецуком, чтобы, повзрослев, стал таким как он – отважным защитником страны*» [Натхо, 2019: 33] / «If you must do it, go and find out my friend, Khirtsizhiqo Ale, tell him openly and exactly what you want to do and why, and tell him that I sent you to him. If there is anyone in this world, who can help you, he is the man! Go, my son. *May Great God help and protect you*»» [Natkho, 2016: 5]. При этом в тексте англоязычного оригинала таких уточнений нет, однако автор включает традиционные формулы пожеланий, представляющие собой кальку с адыгейского: *May Great God help and protect you*.

Также различные маркеры предметного и духовного культурных кодов отмечены нами в следующем фрагменте: «Алецук, как велел *Кизбеч*, сказал матери, что возвращается в Убыхию, и начал собираться в путь. Мать собрала – ей было не привыкать – быстро все, что необходимо будет в пути, уложила в *шонт*⁶, отдала ему, попросила передать родителям и всем родственникам пожелания мира, добра, благополучия, встала рядом, чтобы дожидаться момента, когда он тронется в путь, и помолиться ему вслед. Алецук пристегнул *шонт* и зачехленное войлоком черкесское ружье «*машук*» к седлу, к которому была приторочена бурка, *все подогнал так, чтобы ничего не мешало ему и не звенело*, взяв за узду своего *шоолоха*, вывел за ворота» [Натхо, 2019: 34] / «Ubikh Aletsook bowed respectfully to his Ataliq and kissed his foster mother on the forehead. Thankful to his Ataliq for his advice, he dressed in gray Adyghe tsey, donned black Astrakhan hat, armed himself with dagger, sword, two pistols and a rifle, tied to the pommel of his saddle a bag of food provision and rolled up felt cloak, mounted on his black stallion and set out» [Natkho, 2016: 5]. В тексте на русском языке обращают на себя внимание этноспецифически маркированные лексемы *шонт*, *шоолох*, *машук*. Кроме того, чтобы не тревожить супругу аталыка, которую Алецук называет матерью, он не говорит ей об истинной цели своего отъезда (*как велел Кизбеч, сказал матери, что возвращается в Убыхию*). Обращает на себя

---

⁶ Шонт (шъонт) – бурдюк.

внимание и высказывание *ей было не привыкать*, которое отчетливо указывает на осознанность и привычность той роли, которую играет женщина в горском сообществе. Особо также выделим описание сборов Алецука, в котором автор акцентирует внимание читателя на умениях героя, необходимых ему именно в военных действиях (*все подогнал так, чтобы ничего не мешало ему и не звенело*). Англоязычный оригинал характеризуется несколько иными смысловыми акцентами, хотя общее семантическое пространство художественного текста остается неизменным, хотя вместо *бурки* в тексте на английском языке – *felt cloak*, а *шоолох* назван просто *black stallion (жеребец)*.

Также культурный код манифестирован на различных уровнях текста и в следующем фрагменте: «– Катерина, – сказал Василий, – перестань рыдать, достаточно. Меня зовут Василий Никитич, черкесы зовут Василь. По тому, что я знаю, нет причин плакать, Катерина. Ты в хороших руках. Я их знаю, они хорошие люди. Неважно, почему и как привезли тебя сюда, они не причинят тебе вреда. Слушай внимательно, что я тебе говорю. Делай то, что говорит эта женщина – ее зовут Гоцсим. Она замечательная, очень любезная, очень уважаемая и не позволит никому тебя обидеть. Доверяй ей, как матери, скажи, что тебе нужно. Она все поймет. Не обижай ее чувства, так плача. Теперь, как говорит Гоцсим, искупайся, смени пыльную одежду и отдохни» [Натхо, 2019: 63] / «“Katerina,” said Vasil, “that’s enough. My name is Vasil Nikitich, Adyghes call me Wasil. There is no reason to cry that much, Katerina. You are in good hands. I know Adyghes very well. No matter why and how they brought you here, they will not harm you. Listen well to what I am telling you. We will talk tomorrow too. Now do whatever Goshsime tells you. She is a good woman, very kind, highly respected, and will not let anyone mistreat you. Trust her like a mother, tell her openly what you want. She will understand everything. Don’t hurt her feelings, crying like this. Now, like Goshsime says, take a bath, change your dusty clothes, and relax”» [Natkho, 2016: 39]. Безусловно, хотя К. Натхо создает свой художественный текст на английском языке, синтаксические структуры которого отличаются фиксированным положением членов предложения в его пределах, тем не менее, внимательный читатель может распознать билингвизм автора на основании не только введения в контекст лексем-этнонимов, но и использования автором конкретных семантико-синтаксических моделей. Это же передано и в переводе текста на русский язык, например: *перестань рыдать, достаточно; по тому, что я знаю, нет причин плакать; слушай внимательно, что я тебе говорю; она замечательная, очень любезная, очень уважаемая* и пр. На наш взгляд, синтаксические модели в данном случае определяются как семантикой высказываний, так и тем культурным кодом, который они манифестируют: уважение к гостю, требование сдержанности от него, осторожность в выражении собственных мыслей и знаний.

Билингвальность автора находит свое выражение, прежде всего, в репрезентации проявлений эмоциональности представителей лингвокультурного коллектива и компонентов его ценностной картины мира,

а также в вербализации традиций, обычаев и быта народа. Телесные проявления человека также во много обуславливаются духовным культурным кодом, т.к. человек особым образом воспринимает себя в пространстве, а это диктует нормы поз и движений в конкретной культурной ситуации.

Многие проявления внутреннего мира, которые закономерно возникают в общении людей (а для традиционной культуры – это еще и отделенность мира мужчин от мира женщин, которая обуславливает смущение, стеснение и другие эмоции) постоянно регулируются традиционными моделями коммуникации, позволяющими снять напряженность и сделать коммуникацию эффективной и комфортной. Так, например, смущение девушек при появлении большого количества мужчин на женской половине дома нейтрализовано теми коммуникативными шагами, которые предпринимаются в этой ситуации (маркеры выделены курсивом): «Иналико Шэугеныж *справился почтенно об их здоровье, поблагодарил Гоцсим за заботу* о Катерине, а девушек – за теплое отношение и проводимые с ней занятия. *Представил им аталыка и княжича, которые приехали, как условились, забрать их в гости, заверил девочек, что поездка будет интересной и познавательной*» [Натхо, 2019: 75]. / «Inaliko Shogenizh inquired respectably about their health, thanked Goshime very much for taking such good care of Katerina and her good companion girls for treating her like their sister. After that he introduced to them Prince Hagemiqo Aitech, the Great Prince of Vjedughia, who came to take them to be his guests and assured them that he will be taking very good care of them» [Natkho, 2016: 52].

Общеизвестно, что душа народа раскрывается в танце, и описаний танцев в тексте К. Натхо очень много, например: «Катерина чувствовала себя неловко, было ощущение, что все смотрят только на нее. Она невольно покраснела, что подчеркнуло *очарование и изящество ее вновь обретенной скромности черкесской девушки. Девушки – хатияко* подвели ее к князю, развернув к нему лицом, и все трое *хатияко*, отступив назад, освободили танцевальный круг. *Одетая в дорогое белое, вышитое золотом, шелковое саяе с золотыми застёжками, сияющими на груди, покрытая струящимся белым муслиновым шарфом, что делало ее стройнее и выше, Катерина выглядела сказочно красиво*» [Натхо, 2019: 82]. / «Two hatiakko girls, walked to Katerina, who stood between Sheretliqo Goshana and Shipshe Barina, her eyes cast down, dressed in gold embroidered expensive white silk saye, her gold buttons shining on her chest and donned in round gold hut, which was covered with a flowing white muslin scarf, all of which made her look slimmer and taller. When the hatiakko girls helped her to step down from her high wooden shoes and invited her to the dancing floor, flanking her on both sides and bolding her hands, she felt all the eyes of the crowd fixed on ber and blushed involuntarily, making her more beautiful and accenting the charm and grace of her newly acquired modesty of an Adyghe girl. The hatiakko girls led her to the prince, slopped her at an arm's length facing him and all the three hatiakkos cleared from the floor stepping back» [Natkho, 2016: 62-63]. В этом макроконтексте примечательно также и то, что

красота Катерины оценивается не с позиций каких-то внешних природных признаков, а только через ее скромность и знание Адыгэ Хабзэ (*очарование и изящество ее вновь обретенной скромности черкесской девушки*). Кроме того, именно единство внутренней культуры и внешних показателей принадлежности к ней придает целостность облику русской девушки, теперь уже с великим почтением относящейся к культуре адыгов: *Одетая в дорогое белое, вышитое золотом, шелковое сарае с золотыми застёжками, сияющими на груди, покрытая струящимся белым муслиновым шарфом, что делало ее стройнее и выше, Катерина выглядела сказочно красиво.*

В **Заключении** обобщены результаты исследования и определены его перспективы.

Национальная картина мира всегда хранит и транслирует следующим поколениям традиции, стереотипы, обычаи, которые позволяют осуществлять национальную идентичность. Языковая личность обретает бóльшую коммуникативную свободу, если она принадлежит к двум лингвокультурам при знании двух и более языков, что помогает такой личности составить более адекватные представления о семиотических пространствах и кодах родной и приобретенной культур. Художественный текст, созданный писателем-билингвом, обнаруживает определенную парадоксальную закономерность: его автор нередко актуализирует новый культурный и когнитивный потенциал принимающей его культуры и второго, неродного, языка.

Перспективным в заявленном в диссертации направлении представляется изучение лингвокреативного потенциала текстов различной функциональной принадлежности как продукта речемыслительной деятельности билингвов, в котором инкорпорированы эксплицитный (собственно текст) и имплицитный (микро- и макроструктура текста, его пропозициональная база) компоненты. Обширным эвристическим потенциалом обладает также исследование импликационала в художественном тексте, в том числе, актуализированного посредством лингвокультурно маркированных языковых единиц разноуровневой принадлежности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора.

Научные статьи в журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Басте, З.Ю. Картина мира билингвальной языковой личности: лингвокогнитивные особенности / З.Ю. Басте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2019. № 1 (232). – С. 17-22 (0,75 п.л.).

2. Басте, З.Ю. Способы концептуализации семантического пространства билингвального художественного текста К. Натхо / З.Ю. Басте, М.П. Ахиджакова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2020. № 3 – С. 52-55 (0,5 п.л.).

3. Басте, З.Ю. Особенности коммуникативно-прагматического потенциала художественного текста писателя-билингва К.И. Натхо / З.Ю. Басте, М.П. Ахиджакова // Гуманитарные и социальные науки Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, – 2020. № 5. – С. 65-73 (1 п.л.).

4. Басте, З.Ю. Языковое сознание билингва: культурные коды и этноспецифические смыслы / З.Ю. Басте // Гуманитарные и социальные науки Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, – 2021. № 4. – С. 100-108 (0,8 п.л.).

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

5. Басте, З.Ю. Художественный дискурс и особенности художественного текста писателя-билингва / З.Ю. Басте // Дискурс в различных сферах коммуникации: современные тенденции и перспективы. Материалы междунаучно-конф., посвящ. 95-летию КубГАУ имени И.Т. Трубилина Европейское научное общество г. Ганновер, 2017. – С.49-54 (0,4 п.л.).

6. Басте, З.Ю. Сущность и особенности аксиологии / З.Ю. Басте, А.Б. Коробков // «Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров общества». Материалы Междун. научно-практич. конф. 24–25 мая г. КубГАУ им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар 2018. – С. 76-78 (0,2 п.л.).

7. Басте, З.Ю. Билингвизм: типология языковых контактов / З.Ю. Басте // Язык. Общество. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практич. конференции. Краснодар. 2019 – С. 38-42 (0,3 п.л.).

8. Басте, З.Ю. Проблемы переходной диглоссии, уязвимость и становление глобального билингвизма / З.Ю. Басте // В сборнике: Язык как зеркало культуры. Сборник по материалам научно-исследов. работы каф. русского языка и речевой коммуникации КубГАУ им. И.Т. Трубилина. 2020. – С. 28-33 (0,4 п.л.).

9. Басте, З.Ю. Субстантивный стиль повествования художественного текста / З.Ю. Басте // Язык. Общество. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практич. конференции. Краснодар. 2020. – С. – 39-45. (0,4 п.л.).

10. Басте, З.Ю. Особенности формирования критического мышления / З.Ю. Басте // В сборнике Язык. Общество. Культура. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практич. конференции. Краснодар. 2020. – С. 29-35 (0,4 п.л.).

11. Басте, З.Ю. Лексико-семантические маркеры билингвальности художественных текстов (на примере произведений К. Натхо) / З.Ю. Басте // XII Международная научно-практическая конференция: «Гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности в условиях цифровизации». Ростов-н/Д. – 29 Июля 2021 – С. 42-45 (0,3 п.л.).